

Глава 7. (2020, осень)

— Акира! Акира!!

Кто-то хлопал его по щекам, и Акира приоткрыл глаза.

— Акира...!

В глазах матери, вглядывавшейся в него, блестели слёзы. Мир вокруг плыл и не желал застывать, потолок то приближался, то удалялся.

— Дыши глубже. Всё будет хорошо, сейчас я тебе помогу.

Слушая голос матери, Акира снова потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, перед ним был незнакомый потолок. Светильник, похожий на глаз с концентрическими кругами, висел прямо над ним, глядя на Акиру сверху вниз...

Разлепив горло, словно склеенное сухой слюной, Акира вздохнул.

— Ха... ах...

Губы треснули, выступила кровь. Облизывая солоноватую влагу, Акира вспоминал вкус крови Ицуки...

Ицуки.

Что с ним стало? Где это...

Он попытался сесть, но тело дёрнуло назад. Это был свободный ремень — скорее для того, чтобы он не скатился с узкой кушетки, чем для удержания. Акира потянулся отлепить липучку ремня и заметил, что к его руке прикреплена игла для капельницы. Трубка тускло отсвечивала красным.

(Переливание...)

— Не двигайся слишком сильно.

Голос принадлежал матери.

— Мам...

— У тебя всё ещё сильная анемия. Лежи.

Медленно, словно во сне, Акира подчинился. Его накрыла резкая волна головокружения.

— Ицуки... где Ицуки?

— Этот мальчик? Он спит.

Мать подошла к изголовью, сжала губы и посмотрела на Акиру сверху вниз.

— Ты был на волоске от смерти... Ты почти всю свою кровь перелил ему.

— Ицуки... Ицуки был на волоске от смерти, он защищал меня...

Мать глубоко вздохнула.

— Ты сам придумал этот способ?

— Ага...

Голос матери был серьёзным.

— Больше никогда так не делай.

Она сжала руку Акиры, и её рука дрожала, как в судороге. Акира вздрогнул.

— Если бы в лаборатории узнали... это конец, понимаешь?! Пожалуйста, послушай меня.

Голос матери осип и надломился.

— Если я и тебя... и тебя потеряю... я...

— Ты о папе?

Когда Акира сказал это, он почувствовал, как мать затаила дыхание.

— Я... вспомнил. Что папа...

— Не говори!

Мать оборвала его, как хлыстом, но Акира продолжил:

— Что папа на самом деле жив... по крайней мере, был жив до недавнего времени! Он спас меня. От ночного червя...

Руки матери крепко схватили Акиру за плечи и встряхнули. В её глазах был страх.

— Нет, нет, нет!! Акира... об этом ни в коем случае нельзя говорить.

— Почему?! Что случилось с папой... он жив?!

Прежде чем мать ответила, прошло мгновение.

— Он умер. Этот человек...

— Правда?!

— Хочешь верь, хочешь нет.

Тихим голосом сказала мать.

— Больше я ничего не могу сказать.

Акира сглотнул слюну.

— Остальное обсудим, когда всё успокоится. Семья Ицуки знает, что он остался у нас?

— Мам... об этом тоже...

Перед глазами поплыло, сознание начало угасать.

— Нужно... рассказать...

Лицо матери, полное тревоги, вглядывающееся в него, расплылось и отдалилось, и Акира снова провалился в сон.

Свет из окна отбрасывал на потолок тень от кружевных занавесок, и ранний осенний ветер колыхал её. Акира, сам не заметив когда, открыл глаза и смотрел на это. Он лежал не на узком операционном столе, а на незнакомой кровати.

— Акира... проснулся. Хорошо...

Голос, немного шепелявый, раздался у уха, и Акира, повернув голову, посмотрел вверх. Там был Ицуки, смотревший на него своими серьёзными чёрными глазами.

— Ицуки... спасибо. Ты спас меня...

— Акира, я, тебя, спас. Рад.

Ицуки с облегчением улыбнулся.

— Ицуки, ты...

Акира нахмурился.

— Речь...

— Во рту.

Ицуки открыл рот, показывая. Там снова вздувалась опухоль, распирая и искривляя ровные зубы.

— Ицуки, пей...

Акира попытался прокусить свой палец, но Ицуки остановил его руку.

— Акира, кровь, внутри. Нельзя.

— Но... это же больно, да...

— Всегда так. Ничего.

— Но...

В этот момент дверь открылась, и вошла мать.

— Проснулся? Как себя чувствуешь?

— ...Нормально. Который час?

— Два часа дня. Сможешь поесть?

Говоря, она быстро пощупала пульс, проверила тепло рук.

— Если сможешь ходить, давай пообедаем вместе в комнате отдыха. Мы тоже ещё не ели. Правда, ничего особенного там нет.

— Где... это?

— На работе, — коротко ответила она.

— Комната дежурного во Втором институте биологических исследований Инасики. Хорошо, что сегодня суббота. Никто не придёт. И медицинское оборудование можно было использовать... хотя, — она мельком глянула на сына, — для человека я использовала его впервые.

— Человек...

Невольно повторил Акира. Он старался не смотреть, но всё равно впился взглядом в профиль Ицуки.

Пока что Ицуки ещё выглядел как «человек»...

Но если опухоль во рту вернулась, то и остальное, должно быть, тоже. Неизвестно, как долго мать ещё будет считать его человеком.

(Если узнает... что Ицуки — грязная собака, мама...)

Незаметно дыхание стало поверхностным.

(Она может попытаться «утилизировать» Ицуки...)

Акира знал, что мать по работе иногда использует грязных собак в экспериментах и что их «утилизируют»...

Что же делать...

Как защитить Ицуки?

Ответа не было, и он, шатаясь, пошёл по коридору в комнату, которую мать назвала комнатой отдыха. Ицуки, обеспокоенный, поддерживал его, когда тот плохо держался на ногах. Глаза матери, смотревшей на них двоих, были мягкими.

Там был приподнятый пол с татами, круглый низкий столик и раковина. Мать, как у себя дома, открыла шкафчик под раковиной и достала чашки с лапшой быстрого приготовления и пакетики с рисовой кашей на яйце. Ицуки с любопытством смотрел, как мать кипятит воду.

— Что такое? Никогда не видел готовую еду в пакетах?

— Ага. Не видел.

— Ну, извини, что я нерадивая мать, у нас дома в основном такое. Иногда ведь неплохо, да?

— Ага, впервые, рад!

Акира всполошился. Казалось, у Ицуки не было осознания, что ему нужно скрывать, что он грязная собака.

— После такого происшествия мы толком и не поговорили спокойно...

— мягко сказала мать.

— Я рада, что у тебя появился друг, который приходит ночевать. В последнее время у тебя ведь не было с кем делиться кровью. Правда, Ицуки, спасибо, что дружишь с ним.

— Акира, нравится. Дружить, рад.

Мать тихонько рассмеялась и одной рукой по-свойски погладила чёрные волосы Ицуки.

— Лапшу, какую хочешь? Выбирай любую. Акира, тебе пока кашу.

Акира едва смог ответить невнятным «ага».

Мать использовала горячую воду, в которой разогревала пакетик с кашей, и поставила рядом лапшу с жареной свининой, которую Ицуки выбрал, сказав «эту!», и свою мисо-лапшу. Она вылила кашу в пиалу, стоявшую вверх дном у раковины, воткнула ложку и протянула Акире.

— Держи. Горячо.

Из-за расстановки чашек Ицуки естественным образом сел рядом с матерью.

— Уже можно?

— Ещё чуть-чуть. Три минуты.

— ...Можно?

— Ещё минута.

— Уже можно?

— Ну, Ицуки, и десяти секунд не прошло.

Сказав это, мать засмеялась...

Акира наполовину вскочил и схватил Ицуки за плечо. Он притянул его к себе, закрывая своим телом, накрывая собой. В руках он чувствовал, как кости плеча Ицуки искривляются и скручиваются.

— А? Что случилось, Акира? Осторожно, тут горячее, опасно.

Не говоря ни слова, Акира дрожащими руками обнял Ицуки, пытаясь оттащить его от матери.

— ...Акира?

— растерянно пробормотал Ицуки. Его лицо было безобразно искажено, уже почти не видное как человеческое.

— ...А...

Мать вздрогнула. Палочки для еды посыпались из её рук и покатались по татами.

Когда Акира обернулся, лицо матери было мертвенно-бледным.

— Пожалуйста... пожалуйста, мама.

Отчаянно заговорил Акира. Его голос почти перешёл в плач, и он закричал:

— Не убивай его!! Он человек... он человек!

— Акира... Акира, не плачь.

Запинаясь, сказал Ицуки.

— Акира, плакать, грустно...

Говоря это, он слизывал слёзы, одна за другой бегущие по щекам Акиры.

Когда Ицуки поднял взгляд на мать, вероятно, под влиянием слёз Акиры, его искажённое, разрушенное лицо зажило, и проступил облик того мальчика, который только что беззаботно болтал.

Он, наполнив свои чёрные глаза тревогой, посмотрел на мать Акиры.

— Мама, почему плачешь? Не плачь. Плакать, грустно...

Сказав это, он протянул руку и нежно погладил её волосы, тронутые сединой.

Обернувшись, Акира увидел, как из глаз матери градом льются слёзы.

Даже когда ушёл отец... по крайней мере, мать, никогда не показывавшая слёз Акире, плакала.

Поверхностно дыша, мать коснулась руки Ицуки, гладившей её волосы. Рука Ицуки была узловатой, искривлённой и продолжала деформироваться.

— Че... человек. Человек, да. Такое возможно...

Она задыхалась, дрожащей рукой словно раздирая себе грудь.

— Я и не думала... такое...

Она проглотила слова и затем продолжила:

— Акира, ты перелил кровь... да. Этому ребёнку. Грязной собаке.

— Да...

— Хотя это запрещено. Даже приближаться к грязным собакам тебе нельзя.

— Он был ранен, Ицуки!

— закричал Акира.

— Но теперь ты видишь! Грязные собаки — это люди. Они больны. Просто больны, их тела искажены, но они ничем не отличаются от нас, люди...

— Пожалуйста. Пожалуйста, Акира.

Закрыв кулаками глаза, мать хрипло сказала:

— Пожалуйста, не сейчас. Я понимаю, я всё поняла...

В этот момент Акира впервые понял, почему мать плакала.

Мать только что узнала, что те, кого она собственноручно «утилизировала», были людьми...

— Акира, мама, ссора? Плакать, мне, грустно... Давай, есть. Силы появятся.

Глядя на Ицуки, который с трудом связывал слова, мать, плача, прошептала:

— Прости меня.

Её голос сломался в горле, исказился.

— ...Прости меня... Я знаю, что мне нет прощения, но я уже не знаю, что делать. Я всегда отгораживалась... Мне было противно, но это работа... а тут, оказывается, люди...

— Мама, извиняться, не надо.

С невинной улыбкой на губах Ицуки мягко сказал:

— Давай, есть. Уже три минуты прошло.